

РАССКАЗЫ

ОБОНЯНИЕ

(Из цикла «Человек по частям»)

Это был сомнительный брак, покрытый тонким слоем любви, словно натянутой пленкой, сквозь которую супруги смотрели в глаза друг другу, но все отношения были лишь на словах. Слой этот не был настолько тонким, чтобы позволить браку распасться, но и не делал его прочнее.

Тамара и Юра жили дружно, но не были счастливы. Чего-то не хватало. Юра думал, что им нужны дети, а Тамара откладывала этот вопрос, не вдаваясь в объяснения.

— Что это такое? — спросила однажды Тамара, найдя маленькую коробочку духов.

— Я не знаю, — сказал Юра, тем самым лишь укрепив сомнения жены.

— Это женские духи. Я почувствовала их запах еще из коридора. Ты мог бы хоть проветрить помещение, чтоб я не распознала аромат. Неужели ты настолько глуп?

Юра только усмехнулся, но ничего не ответил.

— Откуда они тут?

— Я же сказал, что не знаю. Они не мои. Ты женщина, ты должна знать.

— Я должна знать? А как ты объяснишь появление в квартире чужих женских духов?

— Понятия не имею, — сказал Юра. Его оправдания так и не были приняты, но странным было то, что Юра и не старался оправдаться, а будто проверял супругу, постоянно к ней приглядываясь. Они весь вечер ругались. Доказательств измены не было, но порой женщине они не нужны. Тамара ушла, оставив на лице мужа след от своей ладони.

Света была его лучшей подругой. Они с Юрой были одноклассниками и дружили крепкой дружбой, не обращая внимания на противоположность полов. Юра был в отчаянии после того, как Тамара бросила его. Он не смог примириться с тем, что все это простое совпадение. Его вины не было, но Тамара не хотела слушать.

— Я не могу тебе больше доверять, — сказала Тамара, — ты обманул меня.

— Но я клянусь, что не брал в руки эти духи.

— Не хочу слушать, — говорила она.

Юра оказался у черты, стоя на которой человек держит бритву у запястья. Он постоянно был угнетен одной мыслью. Краски мира померкли, их заслонило обидное ощущение ложного обвинения.

Когда к нему пришла Света и долго стучала в дверь, Юра не хотел открывать, но затем поддался на уговоры совести, ведь намерения его лучшей подруги всегда были

Андрей Никитин родился в 1986 году. Публиковался в журналах «Неман» (Минск), «Лава» (Харьков), «Зарубежные задворки», в интернет-изданиях «Международный культурный портал „Эксперимент“», журнал компьютерной литературы «Bigital», «Отчебучка», «Кругозор», «Новая литература», «Автограф». Живет в Одессе.

чисты. Юра открыл дверь. Света не сразу узнала его, настолько он изменился: лицо осунулось, он был небрит, от него воняло потом.

— Юра, господи! — сказала Света и протянула к нему руки. Они нежно обнялись, как делали каждый раз при встрече. Каждый раз, словно были братом и сестрой и не было иных мыслей, кроме приятной дружбы между ними.

— Я не могу забыть ее поступка, — сказал Юра, — пойми, мне тяжело. Скажу честно, Света, семья — это самое лучшее, что есть в жизни, это сама жизнь, это стимул продолжать тернистый путь и, споткнувшись, подняться с колен. Береги семью, Света.

Они пили чай. Юра прижал ее ладонь, протянув руку через стол.

— Тебе нужно подышать воздухом, Юра, — сказала Света, — пошли, погуляем.

— Я не хочу больше покидать этой комнаты, — сказал Юра, — тебе я могу в этом признаться. Прости меня и не суди строго, Света, но я думаю, что есть только один способ выйти из этой ситуации.

— Даже не думай об этом, Юра, — сказала Света, сжав его ладонь, — я помогу тебе. Я что-нибудь придумаю.

Юра усмехнулся. Он сомневался в возможности излечить черную хандру, разъедающую его душу, но был уверен, что если есть способ снова стать счастливым, Света найдет его.

— Послушайте меня, — говорил доктор, — средство, которое мы вам предлагаем, только вводится в практику, и вы будете его тестировать.

— Что вы мне введете, доктор? — спросил Юра. Рядом с ним сидела Света.

— Это новое вещество, секрет которого мы не можем вам открыть. В основе запаха, который будет делать вас счастливым, лежит естественный фермент. Вы можете сомневаться, что это именно запах поднимает вам настроение, но так и должно быть, ведь секретный состав я не могу разглашать, пока. Если все пройдет успешно, тогда мы с вами станем знаменитыми.

— Вряд ли мне поможет какой-то запах, доктор.

— Я уверен, что поможет.

Юра лишь усмехнулся. Он посмотрел на Свету, улыбнулся ей, она ответила улыбкой. Ее улыбка была для него лучшим лекарством.

Запах действовал странно. Сперва Юре вообще не хотелось пользоваться этим средством, так как он не верил в его эффективность, но после первого применения он понял, что ему становится легче. Он был бодр, доволен, весел. Больше его не посещали мысли о самоубийстве, теперь он думал только о том, как провести приятно время. Мысли о бывшей жене не донимали. Запах, смешанный с секретным ингредиентом, поразительно быстро ставил мужчину на ноги. Юра был счастлив. Вместе с ним радовалась и Света, которая часто была рядом и постоянно улыбалась, радуясь за друга. Юра смотрел на нее, и лишь иногда во взгляде мелькало что-то далекое, но яркое, то, что нельзя скрыть от женщины, когда смотрит мужчина. Разбрызгивая запах духов, Света радовалась вместе с ним и тоже ощущала себя счастливой.

Это было странно и необычно, будто легальный наркотик. Юра боялся, что зависимость станет слишком сильной и поглотит его целиком. Одновременно с этим он замечал, что его отношение к жизни улучшалось, когда рядом была Света.

Этот период жизни был коротким. Вскоре взлет души окончился падением. Через год Юра попал в аварию. Когда он ехал на работу, машина загорелась, Юра сильно обгорел. Кроме того, когда из-под капота показался огонь, Юра потерял управление и врезался в дерево. Машину исковеркало, а вместе с ней и водителя.

— У него серьезные ожоги, — сказал приятель Юры, — в полиции выяснили, что загорелась проводка. Не понимаю, как Юра не почувствовал, что в машине воняет

паленым. Я давно ему говорил, чтоб он заменил провод, но он все не спешил. И вот теперь уже можно не торопиться. Врачи говорят, что шанс выжить у него есть, но небольшой.

— Ему осталось жить недолго, — сказал врач, — внутреннее кровотечение приняло слишком большие масштабы. Если бы обратились чуть раньше, его можно было бы спасти, но теперь, увы. У него была сегодня мать. Ему нужен кто-то, кому он может довериться и излить душу.

Света заглядывала в приоткрытую дверь палаты, где в одиночестве лежал Юра. К его шее и руке были протянуты пластиковые трубки. Он лежал, накрытый до груди одеялом, и медленно дышал.

— Единственное, о чем он просил, — продолжал врач, — раскрыть ему состав запаха счастья, которым он пользуется. Я понимаю, что ситуация, возможно, требует некоторого сочувствия. И я могу сказать вам состав, так как доверяю. Вам можно доверять?

— Да, — сказала Света, думая о том, что умирает ее лучший друг, ее одноклассник, с которым она выросла, в общении с которым провела лучшую часть жизни. Даже с мужем она не могла обсуждать всех тем, которые обсуждала с Юрой. Одинокая слеза покатилась по ее щеке.

— Я вам советую говорить с ним о чем-то хорошем и приятном, — сказал врач, — если ему суждено сегодня умереть, пусть смерть его будет смягчена чем-то добрым. Скажите ему то, что он давно хотел услышать. Секрет запаха счастья довольно прост: мы берем его собственные ферменты и перерабатываем запах до неузнаваемости.

— Его собственный запах?

— Да. Человек привык к собственным запахам и не ощущает их, но подсознательно они вызывают у него наслаждение. Ему приятно ощущать частичку себя в воздухе. Звучит вульгарно и грубо, но мы воспользовались этим и создали запах настолько приятный, что человек обретает покой. Его мозг воспринимает все немного иначе. Насытить мозг проще, этим мы и пользуемся.

Врач похлопал Свету по плечу и ушел. Девушка, держа сумочку в руках, осторожно вошла в палату и села рядом с Юрой. Вид его был страшен: он отошал, был бледен, кожа натянулась, а глаза провалились.

— Привет, Света, — сказал он, — как дела?

— У меня все хорошо, — сказала она.

— Пришла попрощаться?

— Я пришла не только для этого, Юра, — сказала Света и взяла его за руку. — Юра, я пришла сказать тебе одну вещь. Прости, что долго держала это в себе, но я не решилась сказать тебе правду.

Она помолчала. Он ждал. Их пальцы гладили друг друга.

— Юра. Это может быть неуместно и поздно, но я хочу сказать тебе: я тебя всегда любила. И если бы я не была замужем, то спутником жизни хотела бы выбрать тебя.

— Спасибо, Света, — сказал он, — ты тоже мне всегда нравилась, и если бы не моя жена, я выбрал бы тебя раньше, чем твой муж. Жаль, что я так долго ждал.

— Я думаю, если бы твоя супруга не была такой дурой, она бы простила тебя из-за этих дурацких духов и не ушла. Тем более ты ведь не изменял ей, верно?

— Иногда женщине не нужен даже повод, — сказал Юра, — если она что-то решила, то ее не остановить. Это она подкинула мне духи. Она провоняла ими всю комнату. Она просто хотела уйти, но решила сделать это по-свински, подставив меня, а потом обвинив.

— Почему ты думаешь, что это она сделала?

— Я знаю, Света, знаю. Не думай об этом. Лучше не думай.

— Есть еще кое-что, — сказала Света, — это касается запаха счастья. Я скажу тебе, из чего его делают.

Юра напрягся, шире открыл глаза и молчал. Его сердце застучало быстрее. Он не отпускал руку Светы, и она ощутила напряжение в его теле.

— Юра, этот запах делают из составляющих человеческого тела. Тебе потому и приятен этот запах, что подсознательно он кажется тебе знакомым.

— Из запахов тела? — переспросил Юра. — Но чьего тела?

Света опустила глаза, будто смущаясь и решаясь сказать нечто очень важное, но маленький чертенок, сидящий на плече и дающий подсказки, просил не лгать лучшему другу. Света тихо прошептала:

— Из ферментов моего тела.

Юра молчал. Света подняла глаза. На лице мужчины было удивление, но постепенно его сменило довольство. Улыбка растянулась во все лицо. Юра был счастлив.

— Я всегда радовался, когда ты рядом, — сказал он, — подсознательно я подозревал это.

Света, не отпуская руки, поцеловала его в губы, после чего попрощалась и вышла из палаты. Он умер той же ночью. Умер, осознавая, что счастливым его делал запах, которым была пропитана лучшая подружка.

Мать Юры на похороны надела черный платок и черные перчатки. Во время погребения она плакала. Ей было больно смотреть, как опускают в могилу тело единственного сына. Присутствовали лишь некоторые знакомые, несколько друзей и, конечно, Света. Бывшей супруги не было.

— Он был хорошим человеком, — сказала Света, ведя мать Юры под руку к выходу.

— Да, девочка, он был хорошим, но слишком слабохарактерным. Все им крутили, как хотели, даже эта его Тамара, будь она неладна. Из-за нее он и погиб.

— Юра рассказал, что это она подбросила ему духи и потом его же обвинила в измене.

— Да? — удивилась старушка. — Возможно, все возможно. Его было легко обдурить, подбросив духи, он даже не смог бы этого понять.

— Почему вы так думаете?

— Почему я так думаю? — переспросила старушка. — Ведь я его мать. Я знаю, что говорю. Мой Юра в детстве всунул батарейки в ноздри, и их кислота обожгла ему все внутри. После этого он не ощущал запахов.

— Не ощущал запахов? — спросила Света.

— Да, девочка, абсолютно. Потому я и говорю, что его легко было подставить, подбросив духи.

Старушка ушла, а Света осталась стоять, глядя ей вслед. Она не могла понять, но затем сообразила, почему Юра не рассказал ей всю правду. Он не мог получать эффект от эликсира, но был счастлив. И теперь Света знала точно, почему это произошло. Ведь она постоянно была с ним. Юра был счастлив только тогда, когда с ним была Света. От этого становилось теплее и приятнее. Она вернулась к могиле и подождала, пока все уйдут, затем присела у надгробия, поцеловала пальцы и прикоснулась к фотографии Юры.

— Я тебя тоже люблю, — сказала она, — прости меня, я была глупой.

Света достала из сумочки духи, те самые, которые подбросила ему в квартиру, чтоб разлучить с супругой, и положила флакончик на надгробие. Немного постояв, она вздохнула, развернулась и скрылась. Идя с опущенной головой к воротам, она думала о том, почему так долго ждала и не развелась вовремя с мужем.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

(Из цикла «Человек по частям»)

Из кабинета вышел крупный мужчина в синем костюме. Его глаза пылали от гнева. Это был начальник полицейского отделения Богдан Степанович. Он вышел из кабинета подчиненного. Как всегда, на нем были коричневые перчатки. Арчибальд Витьененко как раз собирался войти в кабинет, когда оттуда вылетел этот шкаф в костюме. Арчибальд посмотрел ему вслед и вошел к приятелю. В кабинете сидел низенький человечек, который тотчас поднял голову и убрал руки от лица. Он был чем-то расстроен. Он посмотрел на приятеля и улыбнулся.

— Арчибальд, — сказал сидящий мужчина, — входи, приятель. Рад тебя видеть.

— Я просто шел мимо. Решил зайти, спросить, что ты делаешь в субботу.

— До субботы еще далеко, Арчи, а сейчас я занят. Я как раз собрался допросить свидетелей убийства, но меня посетил начальник. Меня отвлекают эти посещения и бесит его привычка носить перчатки. Он никогда не прикасается к тем, кого презирает.

Миша поднялся со стула. Стало ясно, что начальник не удостоил его рукопожатием.

— Ты же психолог, — сказал Миша, — можешь выслушать свидетелей, может, что-то уловишь в их словах. Дело в этот раз запутанное, и я не могу в нем разобраться.

— С удовольствием послушаю, — сказал Арчибальд, поправив сидящие на носу очки, — если это тебе необходимо.

— Дело интересное, — сказал Миша, — давай расскажу.

Они шли по коридорам, переходя из одного пятна света в другое.

— Нам позвонил некий Стас Дорошенко и сказал, что убил человека. Стас снимал квартиру на третьем этаже. Напротив снимают квартиру Игорь Бонза и его жена Рита. Молодая пара, живущая там три месяца. Когда звонил Стас, Риты дома не было, она позже пришла в полицию сама. Так вот, — продолжал Миша, — в квартире Стаса никого не оказалось. Нашли только окровавленный нож. Не было тела или самого убийцы. Буквально в тот момент, когда полиция ворвалась в квартиру, к нам в отделение пришла Рита и сказала, что на нее напал Стас.

— Его поймали? — спросил Арчибальд.

— Нет. Он словно исчез. Ни единого следа. Рита утверждала, что он ударил ее, когда она пыталась его задержать. Но и это не все. Сейчас ты все сам услышишь.

Они вошли в кабинет, где сидели три человека. Рита Бонза, ее соседка и мужчина, обнаруживший труп Игоря Бонзы. Миша и Арчибальд вошли в соседнее помещение и по одному вызывали свидетелей. Первым вошел эксперт, неся бумаги.

— Здравствуйте, — сказал он, — могу сообщить все, что я выяснил об убийстве. Игорь Бонза был убит примерно между двенадцатью и тремя часами дня. Удары нанесли со спины в область сердца. Удары слабые, но смертельные. Его тело нашли в пустынном переулке, он лежал на спине. В левом нагрудном кармане рубашки были документы, паспорт и проездной билет. На правом запястье светлая полоска, будто он носил там браслет. Умер от полученных ран через десять минут после их нанесения. Теперь Стас. В квартире Стаса Дорошенко, в одном из чемоданов, мы нашли парик и искусственную бороду. Возможно, Стас гримировался под кого-то. Следы крови на ноже принадлежат Игорю.

— Спасибо, — сказал Миша, когда молодой парень поднялся и вышел. Следующей вошла соседка, пожилая женщина Мария Травкина, сдававшая квартиру Стасу. Миша приступил к допросу:

— Что вы можете сообщить о погибшем Игоре Бонзе, его супруге и их соседе Стасе Дорошенко?

— Они жили несколько месяцев, — сказала женщина, — я имею в виду мужа и жену. Я заметила их взаимную отчужденность, будто две лодки расходились в стороны. Посторонний глаз этого не заметит, но я уловила. И могу сказать почему.

— И почему? — спросил Миша.

— Я несколько раз видела, как Рита заходила в квартиру к Стасу, когда ее мужа не было дома. Стас сам открывал ей. Думаю, они были любовниками.

— Скажите, Мария, это вы принимали оплату за проживание у Стаса?

— Да.

— Как давно он жил тут?

— Чуть больше двух месяцев.

— Опишите его.

— Высокий, с густой бородой и темными густыми волосами, ходил в кепке. Редко выходил из дому. Тихий, спокойный.

— Что, по-вашему, произошло?

— Я думаю, Игорь Бонза узнал об измене супруги и решил проучить Стаса, но тот оказался проворней и зарезал мужа любовницы, а потом скрылся.

— Почему в таком случае он позвонил в полицию и сообщил об убийстве?

Женщина пожала плечами.

— У вас есть фотография или документы Стаса?

— Ничего нет. Он казался странным мужчиной. Постоянно отворачивался, документов мне так и не показал, но платил вовремя.

— Что казалось в нем странным?

— Он был молчалив или постоянно простужен. Может быть, поэтому сидел дома.

— Он был женат?

Женщина задумалась, что-то вспоминая, прикоснулась пальцами к губам и потеряла их, затем посмотрела на Мишу.

— Я не могу вспомнить, — сказала она, — было ли кольцо у него на руке. Меня постоянно что-то смущало, когда он расплачивался за квартиру. Я не могу вспомнить что. Он давал мне деньги, но не так, как все остальные.

— Что значит не так?

— Извините, я не могу сказать. Может, позже вспомню.

— Как вы думаете, отношения Риты и Стаса были серьезными?

— Я думаю, да. Ведь не будет женщина, пока муж на работе, бегать к соседу просто так.

— Спасибо, — сказал Миша, — если вы нам понадобится, мы вас вызовем.

Женщина вышла. Миша посмотрел на Арчибальда.

— Ну, как ситуация? Стандартная?

— Есть кое-что странное, но сперва допроси Риту, может, все прояснится.

В дверь вошла молодая девушка. Волосы свисали, прикрывая лицо, голова опущена. Медленно Рита подняла глаза, волосы разошлись в стороны, и мужчины увидели у нее синяк под правым глазом.

— Что с вами случилось? — спросил Миша.

— Это Стас, — сказала девушка, — я встретила его на улице, по дороге домой, и хотела остановить, так как знала, что они с мужем могут серьезно поругаться. Тогда я еще не знала, что Стас уже убил Игоря. Я схватила его за руку, хотела уговорить пойти со мной, но он гневно на меня посмотрел, ударил по лицу и убежал. Я сразу помчалась в полицию.

— Скажите, Рита, — продолжил допрос Миша, — вы состояли в интимной близости со Стасом, изменяя мужу?

Девушка опустила голову, и вновь волосы закрыли лицо.

— Да, — сказала она.

Миша ощутил неловкость. Он налил в стакан воды и поставил чашку на стол перед девушкой.

— Выпейте, — сказал он, — вам станет легче.

Рита подняла голову, потянувшись к стакану. На ее правой руке, лежащей неподвижно, было кольцо, теперь единственное подтверждение того, что Игорь был ей близок.

— Я думаю, — сказал Арчибальд, подозрительно взглянув на девушку, — легче всего найти мужчину, если знать особенности его привычек и поведения.

В этот момент Рита прикоснулась к чашке, замерла, затем отдернула руку, с любопытством глядя на Арчибальда. Миша посмотрел на девушку, потом на приятеля.

— И эта характеристика, — продолжил Арчибальд, — как следы на песке, по которым можно отличить ногу человека от лапы медведя. Правда рано или поздно всплывет. Меня удивляет, что Стас позвонил, прежде чем исчезнуть. Думаю, это важно.

Рита отпила немного воды, не сводя глаз с Арчибальда, поставила чашку и опустила взгляд.

— Я могу идти? — спросила она.

— Да, конечно, — сказал Миша, проводил девушку до порога и вернулся. Сел за стол, вздохнул и посмотрел на лежащие бумаги.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Арчибальд, — ведь ты занят. Да и мне нужно подумывать. Если что, звони.

Миша кивнул. В его глазах читалась обреченность.

— Он постоянно терзает себя, что стал плохо работать, — говорила Вика, жена Миши, — постоянно думает над проблемой, целиком отдается работе. Я знаю, что у него неприятности. Он стал медлителен, начальство на него наезжает. От этого он нервный, мы часто ругаемся.

Арчибальд кивнул, глядя на супругу приятеля, которая тоже была расстроена.

— Я поговорю с ним, — сказал Арчибальд, — но не обещаю, что смогу помочь.

— Его главная проблема, — сказала Вика, — в том, что, если ему помогают, он считает себя ничтожеством.

— Вот как?

— Представь, как трудно ему работать в коллективе.

Арчибальд кивнул, попрощался и ушел.

Миша стоял в кабинете Арчибальда перед картиной и разглядывал ее. На ней были изображены два пожилых человека. Слева пожилой мужчина, сидящий на стуле, справа пожилая женщина, сидящая в инвалидном кресле. Он на зеленом ворсистом ковре, она на желтом и узорчатом. Черта, где сходились ковры, была границей их маленьких миров. Казалось, что два мира были абсолютно несхожи, будто их соединили, убрав незримую стену. Мужчина и женщина сидели у самой «стены» и протягивали друг другу руки. Их пальцы сплелись. На лицах читалась целая гамма эмоций — от ужаса до радости, но преобладали удивление и непонимание, словно произошло чудо.

— Что это за картина? — спросил Миша, обратившись к Арчибальду.

— О! — воскликнул Арчибальд. — Я рад, что ты спросил.

Он поднялся и подошел к картине.

— Эта картина называется «Прикосновение». Это результат эксперимента, — сказал Арчибальд, поправляя рубашку, — ты не слышал об этом?

— Не слышал.

— Это не удивительно. Эксперимент проводился втайне, но произошла утечка, и его результаты всплыли. Официально его запретили, и будто бы всех зачинщиков сняли со своих постов, как кошек с крыши, но неофициально он цвел. Символическое его отображение ты можешь видеть на этой картине.

— И что тут изображено? — спросил Миша. — Два старика трогают друг друга пальцами?

— Я расскажу краткую версию этой истории, — сказал Арчибальд, — сорок лет назад выбрали мужчину и женщину, разведенных, когда у них уже были взрослые дети. Их поместили в специальную квартиру, где они должны были жить с условием минимум раз в день бывать в комнате, которую ты видишь на полотне. Там была стеклянная перегородка. Они могли видеть друг друга, говорить друг с другом, но не могли прикасаться друг к другу. Так шло время. Они могли покидать квартиру, но не одновременно. Могли бродить, где хотели, но обязательно час в день лицезреть друг друга. Оба завели любовников, новые семьи, друзей и поклонников, но не могли прикоснуться друг к другу. Все это длилось сорок лет и продлилось бы дольше, однако врачи установили, что женщина порядком не здорова и долго может не протянуть. На картине ей восемьдесят два года. Мужчина на год старше. На картине изображен момент, когда стеклянную перегородку убрали и позволили подопытным потрогать друг друга. Это был долгожданный момент. За сорок лет эксперимента собралась куча фанатов, масса людей, желавших увидеть результат. Этот короткий миг — касание пальцев — был заснят на фотоаппарат и видеокамеру. Впоследствии специалисты изучали спектр эмоций, отразившихся на лицах стариков. На основе одного из снимков и была создана эта картина.

— Но что они хотели узнать? — спросил Миша. — Каков результат столь жестокого эксперимента?

— Они хотели узнать, что будут чувствовать люди, лишенные одного из вложенных в них чувств, но с избытком владеющие другими. И они это узнали. В момент соприкосновения преобладал страх.

— Страх?

— Да, друг мой, именно страх. Именно он стал основным и первым мелькнувшим огоньком в глазах, когда убрали стекло, разрезавшее жизнь людей надвое. Сомнение, недоверие, удивление — все это было на лицах, но преобладал страх.

Арчибальд помолчал, затем принес две чашки чая.

— Я хотел сказать, что человеческий характер зачастую непредсказуем, но если ты распознал его, то сможешь понять, как человек себя ведет, как он реагирует на окружающих и как он к ним относится. Важно это или нет, решай сам.

— Это то, ради чего ты меня пригласил? — удивился Миша, надеясь услышать что-то важное о странном и необычном деле.

— Да, Миша. Это все. Не думай о проблемах. Иногда их нужно игнорировать, ставя цель, добиться успеха.

— Ты странный парень, Арчи, — сказал Миша, беря в руки чашку. Арчибальд потянулся к своей, но она была горячей. Он вскрикнул и отдернул руку.

— Еще не остыл, — сделал вывод Арчибальд, хоть чай и не был горячим.

Миша пил чай, смотрел на картину, и что-то странное мелькнуло у него в голове. Что-то связанное с темой разговора и тем, как Рита отдернула руку от чашки, когда говорили о привычках человека. Какая-то идея плыла, словно в тумане, постепенно обретая очертания. След от браслета на правой руке убитого, синяк под правым глазом Риты. Странность, как Стас расплачивался за квартиру.

Арчибальд молча наблюдал за приятелем, поднося чашку к губам. Он улыбался, глядя на задумавшегося друга. Внезапно Миша хлопнул себя по лбу.

— Ну, конечно, — сказал Миша, — прикосновение. Вот в чем дело. Мне нужно идти. Срочно. Я все понял. Мы говорили о привычках и поведении мужчины в тот момент, когда Рита сидела с нами и когда она отдернула руку. Она знала. Она все знала.

— Что знала? — спросил Арчибальд, делая удивленное лицо.

— Потом расскажу, — сказал Миша. Он схватил куртку со спинки стула и быстро выбежал из кабинета, пообещав позвонить позже.

Когда за Мишей захлопнулась дверь, Арчибальд спокойно достал из-за шкафа две картины и повесил их на прежние места, сняв картину со стариками, которую должен был вернуть приятелю.

Через день Миша вошел к Арчибальду и довольно улыбнулся.

— Арчи, ты навел меня на мысль и даже не представляешь, как помог.

— Я? — удивился Арчибальд. — Но как?

— Прикосновение, — сказал Миша, — эта картина подсказала, что в момент, когда Рита отдернула руку, мы как раз говорили о привычках людей. Если бы не ее реакция на наш разговор, я, может, и не догадался бы.

— И о чем ты догадался?

— Я подозревал, что со Стасом что-то не так, но, как оказалось, его и вовсе не было. Рита с мужем сговорились, и Игорь притворялся Стасом все это время. Это было несложно, ведь он практически не выходил из квартиры.

— Но для чего? — спросил Арчибальд.

— Она предложила Игорю изобразить Стаса, чтобы позже имитировать ограбление, подставив вымышленного персонажа, но на самом деле ей просто перепало наследство, и она не хотела делиться с мужем. Она убила его, подставив того же вымышленного персонажа. Хотя теперь она вряд ли получит деньги. Я подумал про след на правой руке от браслета у Игоря. Это был всего лишь след от часов. Игорь был левша и носил часы на правой руке, как следствие, у Риты синяк над правым глазом, так как последнее, что успел сделать супруг, когда она всадила в него нож, это ударить ее со всей силы по лицу. Рита сняла с него часы, чтобы никто не узнал, что он левша. Следы бороды, которую нашли в чемодане у Стаса, были у Игоря на одежде. Это и навело на мысль, что он гримировался под Стаса. А потом я подумал про странность, когда Стас расплачивался. Он протягивал деньги левой рукой, поэтому соседка не видела кольца на его руке и не могла понять, что не так в этом простом жесте. Вряд ли сразу двое соседей были левши, и это подтверждает, что Стаса не было.

— Как ты до этого додумался? — удивился Арчибальд.

Миша улыбнулся и смущенно отвернулся. Щеки его стали румяными.

— Догадался, — сказал он, — но ты навел меня на эту идею, когда отдернул руку, да еще и картина.

Несколько дней спустя Арчибальд вошел в кабинет к Мише. Они поздоровались. Настроение Миши было приподнятое.

— Как дела? — спросил Арчибальд, — я видел, что к тебе заходил начальник.

— Это верно, — сказал Миша, — и заходил он сегодня без перчаток. Он поздоровался со мной за руку. Представляешь? Он прикоснулся ко мне, впервые за последние полгода. Его очень удивило раскрытие этого запутанного дела. Теперь он предложил мне новое дело, которое принес лично. Представляешь?

— Поздравляю, — сказал Арчибальд, — что говорит жена?

Миша улыбнулся еще шире, наклонился к приятелю.

— Последние три дня мы занимались сексом каждую ночь. Это все твоя заслуга.

— Да ладно, — сказал Арчибальд, махнув рукой, — при чем тут я?

— Для начала с меня чай. Идет?

— Согласен.

Миша поднялся. Они вышли из кабинета и, весело болтая, направились в буфет.

СПАСАТЕЛЬНАЯ МИССИЯ

Темнота казалось странной. Генри вскочил на кровати и огляделся. Работу модуля поддерживало ядерное топливо, а потому даже при одновременной работе всего оборудования и освещения энергии осталось бы достаточно. В модуле было тепло, сухо и комфортно, как и полагалось для полета на Марс, но слишком темно. Генри встал с койки, включил свет. Дверь в каюту была открыта, доносилось мерное гудение из аппаратной. Он прошел к окну и глянул в темноту. Не было видно Солнца, только далекие звезды, тускло мерцающие круглые сутки. Генри вышел из каюты, прошел в рубку, оставляя повсюду свет. В рубке, лицом к приборам, стоял Павел и смотрел на лампочки и переключатели, думая о чем-то своем.

— Паша, что ты делаешь? — спросил Генри. — Почему ты отключил наружное освещение?

— А зачем оно? — спросил Павел. — Тут никого нет.

— Есть, — сказал Генри, — ты забыл о цели миссии?

Генри подошел к приборам, нажал несколько клавиш. Вокруг модуля вспыхнул свет. Затем Генри подошел к окошку.

— Посмотри, — сказал он, — насколько далеко видно теперь. Если астронавт вышел, он нас заметит.

— Ты в это веришь? — спросил Павел, повернув голову. — Подумай сам. Прошло два года. Ты веришь, что кто-то мог выжить тут, на Марсе, в одиночестве да еще и без припасов?

— А для чего, скажи, нас послали на Марс? Мы спасательная экспедиция.

Павел смотрел в окно. Повсюду был красного цвета песок. Не было ветра, не было следов. Все было мертво и безжизненно, но самое обидное, что не было никакого источника света, кроме искусственного.

— Подумай, Генри, что ты видишь, когда смотришь в окно?

— Я вижу Марс.

— Но почему тут так темно? Почему не наступает утро? Почему второй день на Марсе мы не видели Солнца?

— Потому что мы опустились на темную половину. Разве не ясно? Ученые что-то напутали. Как видишь, Марс не крутится вокруг оси или делает это очень медленно, или есть мертвая точка, как полюс на нашей планете.

— Мне еще на старте показалось странной эта экспедиция, — сказал Павел и повернулся. — Почему в аварийной капсуле нет окон? Я с подобным сталкиваюсь впервые. Тем более эти гиперсны слишком часто отрывают нас от жизни.

— Что тебе не нравится, Павел?

— Мне не нравится цель миссии. Спасти какого-то мужика, когда даже неизвестно, жив ли он вообще.

— Я командир, и я тебе приказываю отставить сомнения! Мы отправились как экстренная спасательная команда. Нас всего двое, чтобы брать меньше припасов, чтобы максимально увеличить скорость корабля. Мы долетели до Марса на два месяца раньше, чем предыдущая экспедиция, от которой остался один человек. И теперь мы должны его спасти.

— Прости, Генри, — сказал Павел, отойдя от окна, — просто я не знаю, что на меня нашло. Я согласен с тобой. Мы должны его спасти.

— Вот и хорошо.

— Модуль семь, ответьте! — послышался голос из рации. — Модуль семь, вы слышите?

— Это модуль семь. Говорит капитан корабля Генри Верховец. Что случилось?

— Модуль семь, доложите результаты поисков.

— Результаты малообещающие, — сказал Генри, держа рацию у рта и глядя на Павла, — вчера мы исследовали район Б2, возле большого кратера, нашли осколки модуля шесть. Несколько разбитых скафандров и разбросанные части корабля. Тел не было.

— Есть информация, что выживший мог отправиться на временную станцию в секторе Б4. Проследуйте туда. Вам нужно найти следы его пребывания. Или подтвердите, или опровергните его смерть. Вам ясно?

— Я вас понял, — сказал Генри, — следующая связь через двенадцать часов.

Павел стоял у иллюминатора и вглядывался в километры пустоты, застланные песком красного цвета.

— Тут невозможно выжить, — сказал Павел, — если он тут, значит, случилось чудо.

— Пошли. Нельзя терять время, — сказал Генри.

Через час они были готовы и стояли в скафандрах перед герметичной дверью корабля. Они посмотрели друг на друга, кивнули. Генри нажал кнопку. Дверь открылась, и воздух из небольшого помещения вылетел наружу, колыхнув недвижимую массу почвы. Стало прохладно. Генри ощутил под ногами мягкую почву. Было тихо. Гудение двигателя на ядерных батареях не было слышно через толстые стены модуля.

— Тебе тоже холодно, Павел?

— Да, — ответил тот, — эти инженеры рассчитали толщину костюма как попало или просто не угадали с температурой.

Генри достал навигатор и махнул рукой в темную пустоту, где был нужный сектор.

— Я подсчитал расстояние до сектора Б4. Идти туда пять часов.

— Да уж, — сказал Павел, — кто ж знал, что марсоход забьет песком и он выйдет из строя в первый же день? На практике все не так, как в теории. На марсоходе мы доехали бы туда за полчаса.

— Я и сам не знал, что на Марсе песок забивает все поры и выводит из строя технику, ведь ветра тут нет.

— Странно. Я знаю, что в секторе Б4 есть временная станция, но думал, что она непригодна для жизни.

— Посмотрим, когда прибудем на место. Эта станция — его единственный шанс, — сказал Генри.

— Посмотри, — сказал Генри, указав рукой на темный бугорок, видневшийся в нескольких километрах от них. Прошло почти шесть часов пути. Свет модуля не попал сюда, и для наблюдения использовали фонарики, — там кто-то есть.

— Кто там может быть? — спросил Павел. — Только наш выживший или его труп.

Оба быстро пошли в сторону бесформенного камня, который по мере приближения превращался в небольшую станцию прямоугольной формы с примятой крышей. Со всех сторон на нее был наметен песок, будто ее хотели закопать. Генри включил рацию и пробовал говорить на разных частотах — никто ему не отвечал. Здание было маленьким, состоящим из двух помещений. Света не было. Было одно окошко, покрытое песком почти полностью. Генри подошел и протер окно, затем осветил внутрь. Там было грязно. На полу мусор, бумаги и одежда. Кровать у стены пуста. Внезапно перед

окошком возникло испуганное грязное лицо, обросшее бородой и щетиной. Волосы лезли в глаза, рот приоткрыт. Десны кровоточили.

— Открой нам двери, — сказал Генри, постучав в окошко пальцем, — надень костюм и открой нам двери.

Через минуту дверь открылась наполовину. Раздался скрежет. Немного воздуха, смешанного с песком, дуло под ноги астронавтам. Павел хотел просунуть руку, но дверь закрылась, он отошел. Несколько секунд — и дверь снова открылась больше чем наполовину, но не до конца. Оттуда на них глядел человек в скафандре и костюме, испачканный песком и чем-то коричневым. Он помахал рукой. Мужчины вошли.

Сперва астронавты не знали, что сказать, просто безмолвно смотрели на незнакомца, из-за которого они и проделали весь этот путь. Когда цель достигнута, тяжело сразу поверить в это. Мужчина снял костюм, отложил в сторону и пригласил гостей присесть.

Павел недоуменно глядел на астронавта, держа в руках скафандр. Дверь герметично закрылась, но песок был повсюду: на кровати, мебели, даже в чашках на столе. Едва сняв скафандр, Павел ощутил песчинки на языке. Все трое уселись. В углу едва заметно горела керосиновая лампа. Генри внимательно смотрел на мужчину с бородой, затем повернулся к окошку.

— Сколько вы тут?

— Уже два года, — сказал мужчина, глядя на них, — я потерял весь экипаж, осталось только немного еды и инструментов. Вся техника вышла из строя, я не мог связаться с вами.

— Как вы выжили в течение этого времени? — спросил Павел.

— У меня был запас кислорода, запас продуктов на длительный срок. Не забывайте, что я остался один и мне не нужно было столько же, как всей команде. Тут на станции были фильтры, искусственный кислород, еда и все остальное, необходимое для жизни. Тела погибших я похоронил давным-давно. Я даже сделал могилу для себя и планировал в нее попасть в скором времени. Ведь долго так продолжаться не могло.

Генри с грустью посмотрел на Стива, затем перевел взгляд на Павла.

— Вы хотите что-то забрать с собой? Мы будем отправляться как можно скорее. Тут время идет иначе. Дорога каждая секунда.

— Я сейчас соберусь.

Безмолвный выход в соседнее помещение. Оттуда слышатся возня и металлический звон. Генри наклонился к Павлу и прошептал на ухо:

— Что думаешь обо всем этом?

— Не знаю, что и думать, — ответил Павел, — просто чудо, что он выжил. В одиночестве, без ресурсов, без связи.

— Да уж, — сказал Генри, — но я представлял его несколько иначе. Дело в том, Паша, что этот парень как-то странно себя ведет. Я когда-то видел Стива близко, и вот что я скажу: думаю, что этот человек не Стив.

Павел удивленно повернулся к приятелю. Подобного он никак не ожидал.

— А кто же это, если не Стив?

— Не знаю, Паша, не знаю. Но что-то тут не так. Я почти уверен, что это не он.

— Думаешь, тут кто-то жил до прилета модуля шесть? Или сосед явился с другой планеты в гости?

— Это тоже вряд ли, однако в первые часы катастрофы поступил сигнал от Стива, затем пропал. Больше связи с модулем не было.

Ситуация и, в особенности, слова Генри сильно испугали Павла. Через десять минут Стив стоял в герметичном костюме и скафандре. В его руках были два специальных чемодана, за спиной рюкзак.

— Нам долго идти, Стив. Когда вы последний раз выходили из станции?

— Я часто выходил, — сказал Стив, — ходил изучать планету, насколько позволял запас кислорода.

— Это хорошо, — сказал Генри, — силы нужны, тренировка лишней не бывает. Скоро отправляемся.

Дверь со скрипом открылась, в помещение влетел песок. Мужчины вышли. В последний раз дверь опустилась, издав механический скрип. Мужчины долго шли молча. Фонарики освещали пустоту планеты и темноту космоса. Идти было легко, слабая гравитация не позволяла устать.

— Почему тут так темно? — спросил Павел. — Тут нет рассвета?

— Нет, — сказал Стив, — тут всегда темно. Только по звездам можно ориентироваться и получать хоть какой-то свет.

— Почему Солнце не поднимется?

— Откуда мне знать? — удивился Стив.

— Вон наш модуль, — сказал Генри. Мужчины заторопились, оставляя на недвижимом песке вмятины гофрированных следов. Они прошли внутрь модуля, дверь закрылась.

— Ну, теперь рассказывай, — сказал Генри, снимая костюм.

— Что рассказывать?

— Кто ты на самом деле?

Павел удивился вопросу не меньше Стива. Стив стоял с открытым ртом, будто не понял вопроса.

— Что значит — кто я? Что ты имеешь в виду?

— Ты не Стив Ишеми. Я помню его, ты на него не похож.

Стив замолчал и глядел попеременно на мужчин.

— Хорошо, — сказал Стив, — я расскажу вам правду, но вам она не понравится.

— А ты попробуй, — сказал Генри вызывающе.

— Почему ваше оборудование вышло из строя и марсоход был забит песком?

— Откуда ты знаешь? — удивился Павел.

— Почему в спасательной капсуле нет иллюминаторов, а гиперсон длится больше обычного? — спросил Стив, игнорируя заданный ему вопрос.

Павел и Генри переглянулись. Павел испытывал страх, Генри только решительность и радость, что предположения подтвердились. Он понял, что был прав, но не знал, что будет дальше. Генри смотрел в упор на Стива, а тот улыбался, затем покачал головой.

— Что тут происходит? — спросил Павел. — Кто ты?

— У меня для вас неожиданные новости, ребята, — сказал Стив, — никто из вас никуда не полетит.

Стив достал из кармана оружие, наминавшееся пластиковый пистолет, и быстро сделал два выстрела. В модуле прозвучали стон и звук от падения тел. Стив достал маленький передатчик и что-то в него прошептал.

— Земля, ответьте, — говорили по рации, — ответьте, это модуль семь.

— Это Земля, — сказал диспетчер, — вас нормально слышно. Докладывайте.

— Говорит астронавт Стив Ишеми. Мы готовы к посадке.

— Где остальные члены команды? — спросил диспетчер. Вся планета с замиранием слушала каждое слово. Если Стив Ишеми был на борту, значит, миссия удалась и астронавты вернутся героями.

— Они спят в гиперсне, — сказал Стив, — я проснулся первым, но не могу разбудить остальных. Они слишком крепко спят, что-то не то с их капсулами. Если что, буду сажать модуль в одиночку.

— Вас понял, модуль семь, готовьтесь.

Диспетчер положил трубку. В зале управления послышались голоса:

— Они прилетели! Ура! Молодцы!

Раздались аплодисменты. Все аплодировали стоя, скрипели отодвигаемые стулья, был слышен свист. Только двое мужчин, сидя в отдельном кабинете, довольно глядели на радующуюся публику, поражаясь ее наивности.

— Что тут происходит? — удивился Генри, протерев глаза. Он был в каюте, привстал на кровати, но в окне был тот же пейзаж Марса. Перед ним стояли три человека.

— Не волнуйтесь, — сказал Билл, — я вам все объясню, — Билл присел рядом на кровать, — два года назад, как вы знаете, произошла катастрофа. Разбился модуль шесть. В этой катастрофе выжил один человек. Он сумел послать несколько сигналов о том, что он нашел аварийную станцию. Сигналы с Марса шли несколько недель. Мы были уверены по последнему его сообщению, что он погиб. Больше от него сигналов не было. Это было большое горе для всего мира и Америки в частности. Есть организации, которые были готовы запретить полеты на другие планеты из-за этого случая. Вроде бы смерть в космосе — дело частое, но увы. Мы отправили вас на Марс, но затем вернули обратно, заставив думать, что вы достигли цели полета. Под предлогом срочности вас отправили вдвоем. На Земле, глубоко в недрах, мы построили специальный купол. Его размеры огромны. Этот купол не пропускает свет и абсолютно герметичный. Мы воссоздали примерную атмосферу Марса. Температура, гравитация при помощи магнитов и все остальное, чтоб запутать вас. Вы должны были поверить, что вы действительно спасаете Стива Ишеми. Именно это было важно для дальнейшего развития космонавтики. Мы выбрали добровольца, прооперировали и натаскали. Он похож на Стива, и этого достаточно на первое время. Теперь слушайте внимательно, Генри. Все это время вы были на Земле, но весь мир думает, что вы рисковали жизнью, спасая нашего астронавта. Я вам настоятельно рекомендую убедить в этом напарника и самому так думать до конца ваших дней. Вы ничем не рискуете, и никто ничего не узнает, а финансово вас обеспечат. Или же можно сделать, чтоб вернулся один Стив и два невменяемых парня, сошедших с ума. Решать вам. Подумайте. Скоро вас отвезут на место высадки и под водой доставят в модуль семь, который затонет, а потом мы его достанем.

— Зачем вся эта ложь? — спросил Генри, недоуменно глядя в окно. — Ведь Стив погиб.

— Затем, чтоб весь мир знал, что наши технологии и человеческая выносливость могут покорить всю вселенную. Нельзя отчаиваться из-за одной смерти.

Генри посмотрел на руки, качнул головой и поднял взгляд.

— Я не был на Марсе, — сказал Генри, — что я скажу детям?

— Скажешь правду, Генри. Ты герой, который спас человека. Считай, что спас весь мир. Генри, ты спас цивилизацию!

Два дня спустя, когда весь мир был взбудоражен чудесным спасением, Генри уже был дома с семьей. Он включил телевизор. Ведущая говорила о чудесном спасении Стива Ишеми, который выжил на Марсе в течение двух долгих лет. Показали видео спасения астронавта, здание космической аварийной станции, а потом выступление главы космодрома.

— Космические технологии шагнули вперед по сравнению с первыми спутниками и ракетами ближней дальности. Человеку покорилась Луна, а теперь и Марс. Выжить в открытом космосе можно, это доказал астронавт Стив Ишеми, чье путешествие окончилось трагично для команды, но благополучно для него. Его спасение дока-

зало, что человек не так уязвим за пределами Земли. Человек готов покорить весь космос, и случайная трагедия с модулем шесть показала, что даже подобные трудности можно одолеть. Для человека нет ничего невозможного. Он покорит все и всегда добьется цели. Стив Ишеми доказал, что дух человечества не сломить и оно вскоре достигнет новых рубежей в покорении пространства.

Затем показали, как сам президент пожимает руку командиру главного космического центра страны. После этого президент на словах поздравил всех со спасением одного астронавта, ставшего героем, и сообщил, что финансирование космических полетов будет увеличено на двадцать процентов.

Генри встал и подошел к окну. По улице шли толпы людей с плакатами, где краской было написано имя главного астронавта. Все хлопали, кричали, маршировали. Генри постоял минуту, затем печально улыбнулся. Он дал всем этим людям надежду на космическое будущее, а где-то на Марсе лежит тело настоящего Стива Ишеми. Но об этом никто никогда не узнает.

СПЕШКА

— Глеб, давай скорей, — кричала Диана. Она стояла согнувшись, рукой держалась за стену, волосы спадали на лицо.

— Я уже бегу, Диана, — отозвался мужчина, спешно надевая штаны. Зазвенела пряжка ремня. Диана стояла, поддерживая рукой живот. У нее начинались схватки. Боль волнами шла по телу. Женщина вышла в прихожую, схватила ключ от калитки, лежащий на тумбочке, и, поддерживая живот, вышла во двор. Она прошла по освещенному луной двору к калитке, готовясь ее открыть, собирая по крупичцам сэкономленные секунды, но дверца была приоткрыта. Диана с облегчением поняла, что муж готовился к отъезду в роддом.

— Глеб! Скорее! — кричала женщина. Сумочка с черной розой, вышитой сбоку, болталась на плече. Диана бросила в нее ключ от калитки, в спешке подошла к машине и уперлась в капот, ожидая, пока муж откроет дверцу. Каждая секунда тянулась слишком долго, и женщина начала стонать, отдаваясь на растерзание блуждавшей боли. Муж все не шел.

— Глеб! — крикнула женщина, не понимая, почему муж до сих пор не появился. Через секунду послышались шаги во дворе, мужчина спешно вышел на улицу.

— Я не могу найти ключи, — сказал Глеб. Мужчина был взволнован, держа в руке кошелек и вытряхивая из него на пол мелочь. Рубашка вылезла из штанов, волосы растрепаны.

— Где ты их оставил, Глеб?

— Я не помню, — сказал мужчина, — приготовил и отложил, чтобы быстро выехать. Кажется, на тумбочке возле двери, но там их нет.

— Я не могу, Глеб, — сказала женщина, — давай звони в «Скорую».

Глеб набирал номер, приставив телефон к уху.

— Зря я уехала из роддома, — сказала Диана, держась за живот, — потерпи я еще денек, все было бы в порядке. Спокойно бы рожала там. Мог бы выходные провести в одиночестве.

— Не вини меня, — сказал Глеб.

— А кого винить?

Глеб быстро назвал адрес, положил трубку и обнял супругу, схватив ее за руку.

— Не трогай меня, — сказала Диана, вырвав руку, — из-за тебя я могу не успеть в роддом. Иди, ищи ключ.

«Скорая» приехала через десять минут. Женщина спешно шла на рев сирены в конце улицы. Глеб поддерживал супругу, ведя под руку. Машина подъехала и остановилась, вышли два санитар и акушер.

— Я сама, — сказала женщина, подойдя к машине и держась за живот.

— Я помогу тебе, — сказал Глеб, поддерживая жену. Диана схватилась за дверцу, но не удержалась и упала на пол. Она вскрикнула, ее подхватили и помогли зайти в машину, где аккуратно уложили на койку. Машина помчалась. Глеб наблюдал за поднятой пылью и торопливо шел к маршрутке.

Женщина родила девочку, ее назвали Мария. Диана рожала тяжело, но девочка при родах не пострадала.

— Мелкий синяк, но это пройдет, — сказал врач, глядя на ушиб от падения перед каретой «скорой».

— На ребенка не повлияло? — испуганно спрашивала женщина.

— Думаю, что нет. Все будет в порядке.

— Все из-за тебя, — кричала Диана, глядя на мужа, — ты виноват. Ты потерял ключи. Если бы не это, я бы не упала. Ты понимаешь, что Мария могла пострадать?

— Я же сказал, что не мог их найти, — говорил Глеб, — и до сих пор не нашел. Пришлось делать новые. Хватит меня во всем обвинять.

— Молодец, можешь засунуть их теперь себе в задницу. Врач сказал, что могут быть проблемы из-за того, что я упала перед родами.

— Но сейчас ведь все в порядке.

В палате на них стали обращать внимание. Глеб стыдливо оглядывался. Диана накричала на него, отвернулась и стояла, скрестив руки на груди. Глеб молчал и смотрел на супругу.

Шло время. Мария росла, впитывая постоянную ругань родителей. Ей было неясно, почему они постоянно ругаются, от этих криков у нее часто болела голова. Мария росла милой девочкой, хорошо училась, но настал момент, когда она уперлась в стену, обойти которую мешало любопытство.

— Мама, как появляются дети?

— Мария, спроси лучше папу. Он у тебя мастер объяснять подобное.

Ребенок с тем же вопросом пришел к отцу.

— Ко мне послала? — спросил отец, почесав затылок. — Знаешь что, Мария, когда станешь старше, я тебе расскажу.

— А почему у меня нет братика или сестрички? — спросил ребенок, и отец был озадачен еще больше. После этого он сам пошел к супруге.

— Мы ведь столько раз пробовали, — сказал он, — а ты все не беременеешь.

— Думаешь, я виновата? — спросила Диана, гневно крича на супруга. — Это от травмы перед родами. Если бы ты не потерял ключи, было бы все нормально.

— Значит, виноват я?

— Подумай сам, кто виноват, — сказала Диана. Разговор не возобновлялся.

— Мама, мне больно, — сказала Мария, держась за голову. Она стояла и тяжело дышала, затем присела на стул. Врач приехал через час. Оказалось, что головные боли не были редкостью, но родители не придавали этому значения. Марию увезла «скорая».

— Могу я с вами поговорить наедине? — спросил врач, обращаясь к родителям ребенка. Мария сидела в смотровой, опустив голову, прикусив нижнюю губу. По голосу и поведению врача стало понятно, что у девочки серьезные проблемы.

— Мне очень жаль, — говорил доктор, сняв очки, — но у нее опухоль в голове.

— Опухоль? То есть рак?

— Я сожалею, — сказал врач, — это могло произойти в результате травмы. Сейчас стадия ранняя, и есть много шансов полностью излечиться, но нужно поторопиться.

— Но как же так, доктор? — спросила Диана. — Ведь ей только восемнадцать.

— Я понимаю, но и вы меня поймите, болезнь не всегда проявляется сразу. Иногда могут пройти годы, прежде чем вы услышите стон пациента. Ее редкие мигрени были не из-за ваших с мужем ссор, как оказалось. Проблема была глубже. Советую вам сдать все анализы, на всякий случай. Возможно, потребуется донор крови. Но не нужно паниковать, это простая предосторожность. Считайте это запасным парашютом.

Когда врач ушел, Диана бросилась в объятия мужа и расплакалась. Глеб ее успокоил. Они боялись об этом говорить при Марии, но понимали, что этого не избежать. Начались длительные осмотры у специалистов. Диана наехала на мужа еще сильнее, упомянув потерянный ключ. Глеб начал пить. Иногда подолгу бывал в барах. Диана вновь его ругала, но теперь за пьянство и собственное бесплодие.

Часто перед глазами Глеба плыл ключ, он мелькал, как надоедливая муха, а следом за ним, словно сосулька с крыши, в голову падал голос супруги:

— Это ты виноват, что дочь пострадала, это ты не нашел ключ, это ты стал причиной того, что она родилась такой.

— Но я ведь не хотел этого! — кричал Глеб, падая на колени. Он закрывал лицо руками и плакал, представляя, как испортил жизнь дочери и как его ненавидят два самых близких человека. Он думал о втором ребенке, но постепенно эта мысль отодвигалась, не найдя поддержки у супруги.

— Я хочу поговорить с вами, — сказал врач, когда Диана сидела перед ним на стуле, — вы знаете, что ваш муж бесплоден? Это установили достоверно, по результатам анализов. Кроме анализов, есть еще группа крови вашей дочери...

— Доктор, — резко перебила Диана, — пожалуйста, не продолжайте.

Врач молчал, поняв ситуацию.

— Я прошу вас, доктор, пусть эта информация останется между нами как можно дольше. Храня эту тайну, вы спасете семью. Мария действительно не его ребенок.

Диана молчала, опустив голову и кусая нижнюю губу.

— Спасибо, доктор, — сказала Диана. Перед тем как покинуть кабинет, она положила на стол перед врачом несколько крупных купюр.

Мария лежала в кровати. Ее лицо было бледным. Рядом сидел ее молодой человек и держал за руку. Диана наблюдала за ними, стоя у окна. Глеб ушел в бар. Диана за последнее время сильно постарела, а ее дочь будто начала засыхать. Ситуация была не из приятных. В воздухе висело напряжение. Но буквально через несколько дней словно кто-то открыл форточку, выветрив беду.

— У меня хорошая новость, — сказал врач, садясь перед девушкой на кровати, — есть метод лечения. Новая методика позволяет забыть об операциях. Это лучевой метод, или лазерная терапия.

— И каковы шансы? — спросила обнадеженная мать, держа дочь за руку. Мария лежала, полуприкрыв глаза, но напряженно слушающая. Казалось, что она перестала дышать.

— Шанс полного выздоровления шестьдесят процентов, — сказал врач, — но главная новость в том, что процедура бесплатная. Вы попали в программу благотворительности и станете первой в нашей стране, кому будет проведена подобная терапия.

— А это не опасно? — спросила мать.

— Нет, не опасно, но требует осторожности и терпения со стороны как врачей, так и пациента. Весть процесс излечения может занять до года, но после этого человек будет жить полноценной жизнью.

Мария повернулась к матери и сжала ее руку.

— Мама, нужно сообщить отцу хорошую новость.

— Хорошо, доченька, я скажу ему, но ты не переживай. Тебе нельзя волноваться.

— Мама, сообщи ему как можно скорее. Ты знаешь, где он живет?

— Если не в баре, то в коммунальной квартире, у приятеля. Я его видела там.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал врач, — запаситесь терпением. На все нужно время.

— Зачем ты пришла? — спросил Глеб. Он лежал на кровати, в грязи, среди разбросанных вещей. Его дырявый носок вонял потом. В квартире пахло спиртом, мочой и дешевыми сигаретами. Через единственное, заляпанное грязью окно едва проникал свет. На полу валялись пустые бутылки.

— Я хотела сказать, что есть возможность вылечить нашу дочь, — сказала Диана, морщась от запаха, — ты рад? Если все пройдет хорошо, она поправится и ты сможешь больше себя не винить.

— А ты простишь меня? — спросил Глеб, приподнявшись на кровати. В свет попало небритое красное лицо. Женщина посмотрела на него и сомнительно покачала головой.

— Я не могу тебя простить, Глеб.

— Но ведь она выздоровеет.

— Ты испортил ей молодость, она слишком много страдала. Я могу сказать тебе слова прощения, но это будет как окно в сад, заложённое камнем.

— Я так и думал, — сказал Глеб, — передавай дочери привет. Скажи, что отец сам себя наказал.

Глеб накрылся одеялом. Диана постояла несколько секунд и вышла.

— Прошло семь месяцев, а вы теперь как новая, — сказал врач, глядя на рентгеновские снимки. На столе лежали результаты анализов и томограмма. За последнее время девушка помолодела: синяки под глазами пропали, щеки порозовели. Она сидела на стуле, мать держала ее за руку.

— Больше нет опасности?

— Нет, — сказал врач, — теперь ее жизни ничто не угрожает, но нужно быть осторожными. Организм еще слаб.

— Доктор, а когда мне можно будет рожать? — спросила Мария, слегка смутившись матери и покраснев.

— Уже можно, — сказал врач, — твой недуг не влиял на роды, так что не переживай.

— Мария, ты что, беременна? — спросила мать.

— Еще нет, — ответила девушка, не поднимая глаз, — но планирую стать мамой в ближайшее время.

— Как он? — спросили две женщины, стоящие у входа в палату. Мать и дочь давно простили Глеба, но внутри еще пылал огонь борьбы. Состояние мужчины и его

пьянство на фоне гнетущего чувства вины притушили гнев. А раздражение сменилось жалостью.

— Его состояние ухудшается, — сказал врач, — язва плюс постоянные алкогольные отравления, все это теперь сказалось. Мы не можем остановить внутреннее кровотечение. Я думаю, если вы войдете попроситься с ним, это будет нелишним, но не давайте ему понять, что скоро конец. Не стоит его расстраивать.

Мать и дочь вошли в палату. На белой простыне, укрытый до груди, лежал Глеб. Он был выбрит, вымыт, и только глаза делали его лицо похожим на лицо старика.

— Привет, папа, — сказала Мария, — как ты?

Глеб открыл глаза и улыбнулся, глядя на дочь. Он понял, что она простила его. Они обе его простили, но не осмеливались сказать об этом. Этого и не требовалось. Достаточно внутренне простить человека, и это всегда лучше, чем прилюдно извиняться, продолжая таить на него злобу.

— Я рад, что ты пришла, Мария, — сказал он, взяв дочь за руку, — я давно хотел извиниться перед тобой. Прости за утраченную молодость, прости за нервы, прости за слабость.

— Я не обижаюсь, папа. Ты ведь мой отец. Ты дал мне жизнь. Даже если ты отберешь ее, я тебя прощу, ведь без тебя я не познала бы и этого.

Диана после этих слов удивленно уставилась на дочь.

— Я хочу, чтоб ты запомнила, Мария, — говорил отец, — всегда нужно прощать. Держа обиду, ты заставляешь страдать человека вдвойне. Я надеялся, что ты простила меня, но не мог забыть своей вины. Она всегда будет ассоциироваться с тобой, как и у тебя со мной.

Дочь обняла отца. Оба плакали, и Диана, неспособная больше злиться на мужа, отвернулась, вытирая слезы, не забывая, однако, собственного подлого обмана.

После похорон прошло много времени. У Дианы выросли внуки. От болезни Марии не осталось и следа. Время шло, внуки пошли в школу, а Диана старалась разглядеть в зеркале молодое лицо, которым владела когда-то. Зять Дианы, взрослый мужчина, с трепетом ухаживающий за домом, любил собирать старые вещи, надеясь, что когда-то они пригодятся. Но на самом деле он просто сохранял их, чтоб возвращаться в прошлое, вспоминая то время, когда была положена на чердак какая-то старая, более ненужная, но такая ценная в прошлом вещь.

— Бабушка, — сказал высокий мальчик, спускаясь с чердака, — смотри, что я нашел.

Внук держал в руке старую сумку с черной розой сбоку. Роза давно облупилась, а сумка покрылась слоем пыли, но для Дианы эта сумка была памятью о молодости.

— Это моя сумка, — сказала она внуку, — с ней я ехала в роддом и долгое время ходила после того, как твоя мать научилась бегать.

Внук начал трясти сумку и исследовать ее содержимое, а старушка вспоминала радостный момент предвкушения рождения Марии, затем накатило воспоминание о пережитом несчастье. Тогда из-за банальной потери ключей с дочкой приключилась беда. Диана словно разбередила давно вогнанную занозу, ее сухой кулачок сжался, однако она успокоилась, вспомнив, что муж давно умер, а держать зло на покойников нельзя. Он осознал свою вину и давно наказал себя сам.

— Бабушка, тут есть что-то, — сказал внук.

Старушка безразлично посмотрела на находку, рассчитывая увидеть зеркальце или заколку, но как же она удивилась, увидя в ладони мальчика ключ от машины.

— Это ключ. Он был под подкладкой, на дне сумки была дырка.

— Я знаю, что это за ключ, — сказала Диана, ощущая дрожь в теле, — это ключ от автомобиля твоего деда. Он сделал новый, а этот ключ мы так и не нашли.

— Как он туда попал? — спросил внук.

— Я теперь понимаю как, — сказала Диана, держась за сердце, — я по ошибке схватила ключ от машины, лежащий на тумбочке, а не ключ от калитки. Было темно, я торопилась.

— Ничего, бабушка, бывает. Это всего лишь спешка, ничего больше.

— Да, Димка, ты прав. Это всего лишь спешка.

Диана долго глядела на ключ, понимая, что долгие годы напрасно обвиняла мужа. Что он сказал перед смертью? Нужно всегда прощать. Коротко и хорошо.

Диана думала, не рассказать ли дочери правду о настоящем отце? Она вышла в кухню, где Мария варила суп, а рядом у ее ног играл младший сын.

— Мария, — сказала Диана, — я хочу тебе сказать нечто важное.

— Говори, — сказала Мария, на секунду обернувшись. У нее был жизнерадостный вид, она улыбалась и была счастлива. Диана тоже улыбнулась, глядя на дочь.

— Твой отец... — начала женщина.

— Что мой отец? — спросила Мария и замерла с ложкой в руке. Она была в фартуке и напоминала Диану в молодости. Мать была для нее идеалом, примером и сильной, волевой натурой. Это мнение можно было легко испортить, сказав правду.

— Твой отец гордился бы тобой, — сказала Диана, — он всегда хотел еще одного ребенка, но из-за этой истории с ключом у нас ничего не вышло.

— Мама, я его давно простила.

— Я тоже его простила, доченька, — сказала Диана, — я тоже.